

Институциональный подход к античным философским текстам (на примере диалога «Ион»)

Юрий Шичалин

Директор, Греко-латинский кабинет; профессор, кафедра древних языков и древнехристианской письменности, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (ПСТГУ). Адрес: 127051, Москва, пер. Лихов, 6. E-mail: graecolatinum@gmail.com.

Ключевые слова: философский текст; институциональный подход; Платон; Платоновский корпус; диалог «Ион».

Институциональный подход рассматривается в качестве важного дополнения к традиционным историко-филологическим и историко-философским методам анализа философских текстов, требующего от исследователя отрефлексированной методики и понимания того, какие утверждения она позволяет делать. По отношению к исследуемому материалу (философскому тексту) институциональный подход предполагает учет самооценки автора и того, как она сказалась на создании текста, а также установления жанровой природы последнего, на которую ориентировался автор, писавший для определенного читателя. Все эти требования приводят к необходимости описать институцию, позволяющую объективировать исследовательскую и авторскую установки.

В качестве объекта приложения институционального подхода к философским текстам использован диалог платоновского корпуса «Ион», который считают одним из самых ранних диалогов Платона. В статье

показана проблематичность подобной датировки, поскольку для раннего творчества Платона характерно использование речей, которые могли включаться в пересказанные диалоги. Но «Ион» — диалог в прямой драматической форме, свойственной поздним диалогам, которые отражают развитую технику школьных споров и диспутиаций, проводимых на основе определенных правил и сводок заранее одобренного материала (о чем свидетельствуют сочинения Аристотеля «Топпика» и «Софистические опровержения»). Помимо этого, «Ион» откликается на диалоги Платона «Государство» (как Гомер в «Государстве» не сведущ ни в одном искусстве или ремесле, так и в «Ионе» рапсод, толкующий Гомера, не сведущ ни в одном искусстве, представители которого изображены Гомером) и «Федр» (где подробно изложена концепция божественного безумия), что подчеркивает его поздний характер и не позволяет считать его платоновским.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ подход к интерпретации письменных текстов Античности (в том числе философских) оказывается важным дополнением к традиционным историко-филологическим и историко-философским методам, которые в принципе предполагают выяснение всего необходимого иерархически организованного комплекса данных, позволяющих ответственно интерпретировать текст. Это рукописная традиция, *fontes* и *testes*, время создания и атрибуция текста, его языковая специфика, образовательный уровень автора и адресата текста, жанровая природа, терминологический аппарат, образная и понятийная специфика текста, история его издания и научного изучения. Но хотя теоретически предполагается, что интерпретатор знает эти требования и сознательно работает в соответствии с ними, на практике они выполняются далеко не всегда.

Главной причиной этого оказывается включенность интерпретатора в одну из уже существующих систем интерпретации (школ): разумеется, он свободен в выборе той или иной школы, но, когда эти системные установки принимаются как нерerefлектированная данность, исследование превращается в лишнюю смысла механическую процедуру переработки некоего материала, дающую квазирезультаты. Поэтому требования институционального подхода относятся в первую очередь к исследователю, который должен ясно понимать, каков его подход и какие утверждения этот подход позволяет формулировать. Что же касается исследуемого материала, то и здесь первым требованием оказывается осознание самооценки того или иного автора и ее воздействия при создании того или иного текста. Ясно, что и первое, и второе требования приводят нас к необходимости описать институцию, позволяющую объективировать исследовательскую и авторскую установки.

Фундаментальное требование учитывать авторскую самооценку исследуемого текста следует распространять и на ту или иную эпоху. При этом внимание к самооценке исследуемой эпохи опять-таки с необходимостью требует самооценки и от исследователя, а именно обязывает его проверить и уточнить понятийный и терминологический аппараты. Это позволяет сосредоточиться

на действительно бывших и нашедших отражение в текстах тенденциях исследуемой эпохи и на ее в самом деле имевших место интеллектуальных, политических или эстетических движениях.

Поскольку в данном случае мы говорим о понимании той или иной эпохи на основе дошедших от нее текстов, особую роль приобретает установление их жанровой природы: жанр — одно из центральных понятий институционального подхода к анализу текстов именно потому, что жанр либо предполагает некую серию текстов, либо задает некие правила и ограничения при создании новых.

Институциональный подход, разумеется, означает некую теоретическую разработку как самой проблемы, так и релевантных методик. Но поскольку речь идет об ушедших эпохах, представленных почти исключительно текстами, этот подход прежде всего имеет практическое значение, ведь он позволяет исследователю текстов правильно ставить вопросы, а по ходу их изучения и при получении выводов — не уходить от материала. Без учета этих требований большинство утверждений о греческих философах (о которых идет речь в этой статье) оказываются преимущественно характеристиками не материала, а историка, который излагает данный материал, или традиции, к которой он принадлежит. Приведу пример, поясняющий, что я имею в виду.

Рэндалл Коллинз, к которому я отношусь вполне сочувственно, так описывает этапы работы, предполагаемые методом институционального анализа истории философии:

Во-первых, следует собрать большое количество исторических описаний некоторой области культурного производства... Во-вторых, нужно ранжировать таких интеллектуалов в соответствии с долей внимания, полученной ими в позднейших исторических источниках... В-третьих, проводится исследование личных связей между философами. Кто был учителем каких учеников? Кто был чьим другом или коллегой, особенно на ранних, формативных стадиях жизненных карьер? Кто чьим был соперником или противником? Велись ли споры в частном порядке, на публике или в письменной форме? Теперь, на основе информации о связях такого рода, мы можем начертить сетевую схему...¹

1. Привожу по отрывкам из книги, переведенным и опубликованным доктором философских наук, профессором Николаем Розовым: *Коллинз Р. Анализ интеллектуальных сетей и русская мысль в европейском контексте // Отечественные записки. 2002. № 3 (4). URL: <http://www.strana-oz.ru/2002/3/analiz-intellektualnyh-setey-i-russkaya-mysl-v-evropeyskom-kontekste>.*

Еще раз подчеркну свое принципиальное сочувствие этому методу и согласие с главным тезисом: «Творчество не распределяется случайным образом среди индивидов, оно сосредоточивается в межпоколенных цепочках»². Но непосредственно перед этим выводом Коллинз выделяет выдающихся учителей и учеников среди греческих философов, утверждая, что такие примеры легко привести из всех эпох. Однако при ближайшем рассмотрении его «вертикальные цепочки», относящиеся к грекам (Фалес — Анаксимандр — Анаксимен; Парменид — Сократ — Платон — Аристотель — Теофраст — Аркесилай — Хрисипп; Панеций — Посидоний — Цицерон³), большей частью оказываются фикциями, потому что опираются на общепринятые, но уже устаревшие схемы изложения античной философии. Чтобы указать самое очевидное, обращу внимание на представление о так называемой милетской школе, которой никогда не было, но при этом существовали другие вполне различимые и реальные интеллектуальные движения, протекавшие в своих институциональных рамках (работа законодателей, состязания мудрецов, ионийская «наука»).

Речь идет совсем не о том, чтобы искать ошибки у Коллинза, написавшего огромную, замечательную и очень важную книгу, а о том, чтобы на простом примере убедиться в недостаточности общих историко-философских схем и подходов, даже если они опираются на самую правильную и перспективную методологию. Именно поэтому сегодня необходима серьезная работа, требующая проверки и пересмотра привычных историко-философских схем, даже если они признаются результатом консенсуса историков философии в нескольких поколениях.

В качестве другого примера приведу собственное некорректное описание философских движений второй половины V — первой половины IV века до н. э. Это описание я предложил в изложении античной философии для первой книги учебника «История философии: Запад — Россия — Восток» под редакцией Нели Васильевны Мотрошиловой⁴ и в моей «Истории антично-платонизма»⁵.

2. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 51.
3. Там же. С. 50.
4. История философии: Запад — Россия — Восток / Под ред. Н. В. Мотрошиловой. М.: Греко-латинский кабинет, 2000. С. 110–111.
5. Шичалин Ю. А. История античного платонизма в институциональном аспекте. М.: Греко-латинский кабинет, 2000. С. 144–145.

А именно, описав софистов как гастролирующих лекторов и отметив, что у них еще не было постоянных школ, я далее говорил о том, какое важное место в развитии философских институций Греции занимали *сократики*, организовавшие постоянные философские школы. Это, в общем, обычный ход мысли при изложении данного периода, но мне казалось, что именно с точки зрения институционального подхода к философии этого периода важно отметить постоянные школы *сократиков*. В самом деле, мысль простая и кажущаяся очевидной: софисты перемещаются с места на место. Например, Горгий читает лекции и ведет занятия то на Сицилии, то в Афинах, то в Фессалии, а Сократ — постоянно в Афинах, постоянно участвует во встречах с приезжающими софистами и потому оказывается неким постоянным центром притяжения для его слушателей, которые и создают первые постоянные «*сократические школы*». Именно об этом во второй книге своих «Жизнеописаний» сообщает Диоген Лаэртий, не просто говорящий о школе Евклида в Мегарах, Федона в Элиде или Аристиппа в Кирене, но и называющий предметах схолахов в этих школах; Диоген говорит также об Антисфене и его последователях. На этом фоне естественным образом воспринимается и постоянная школа Платона, имевшая самую длительную историю и с некоторыми перерывами просуществовавшая до закрытия Юстинианом в 529 году н. э. Еще раз повторю, что эта картина институционального развития философии V–IV веков до н. э. в основных чертах может считаться общепринятой.

Пересмотреть эту картину меня побудили эпидиктические речи Исократ, которого я регулярно читаю по-гречески в классе. Одна из них — «Против софистов». С этим знаменитым текстом во все цивилизованные эпохи обязательно знакомились европейские школяры, так что он решительно всем известен, но при этом всерьез не учитывается при изложении истории философии. Речь написана не ранее конца 390-х годов до н. э. и направлена против софистов, то есть тех, кто профессионально за плату ведет занятия с учениками. За оценками Исократ и его намеками довольно уверенно угадываются известные имена, в частности Антисфен и Евклид; но при этом Исократ знает только софистов и не знает сократиков. Мало того, при ближайшем рассмотрении оказывается, что их не знают ни Платон, ни Аристотель... И если мы начнем выяснять, когда вообще начали говорить о сократиках, становится очевидно, что некоего философского движения сократиков не знали по крайней мере до III или даже

до II века до н.э.⁶: только с этого периода можно сколько-нибудь уверенно предполагать рассмотрение предшествующих философов по школам, хотя именно к такому изложению мы привыкли благодаря тому, что европейская историко-философская традиция усваивала античную философию прежде всего по Диогену Лаэртию, который излагал предшествующих мыслителей именно по школам.

Внимательное рассмотрение указанного периода (начала IV века до н.э.) показывает, что никаких сократических школ в этот период никто не знает, а все появляющиеся школы, которые можно считать постоянными и которые мы привыкли считать философскими, а именно сократическими, на самом деле были софистическими. Таким образом, речь идет не о появлении неких постоянных философских школ, руководимых учениками Сократа, оппонента софистов, а об эволюции софистических школ, которые становятся постоянными. Причем Сократ имеет к этому процессу весьма косвенное отношение, а именно как прототип литературного персонажа, популярного у софистов начиная с конца 390-х годов до н.э. Поэтому софисты оказываются постоянными оппонентами как Платона, который никогда не был сократиком, так и Аристотеля: у первого — во множестве диалогов, у второго — прежде всего в «Софистических опровержениях».

Ясно, что при таком взгляде на греческую философию этого периода складывается совсем иная картина ее институционального развития по сравнению с общепринятой, поскольку привычная последовательность «софисты — Сократ — сократики — Платон» оказывается фикцией: история этого периода нуждается в новом рассмотрении, новом понимании и требует нового изложения.

Эти вопросы не представляется возможным разрешить в данном тексте, и я коснулся их с единственной целью: показать, что пересмотр традиционных взглядов на историю греческой философии необходим, причем именно институциональный подход может дать для этого много важных импульсов.

Я убеждался в продуктивности институционального подхода при интерпретации текстов поздних платоников (Плоти-

6. См. об этом в статье: Шичалин Ю. А. Сократ-пифагорец — изобретение Платона? // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие. Философия. 2012. Вып. 3 (41). С. 83, сноска 39; возможно, впервые выделил «сократиков» Антигон из Кариста, во всяком случае, они уже были в «Преемствах» Сотиона.

на), а также текстов, входящих в Платоновский корпус⁷: «Федр», «Пир», «Парменид», «Филеб»; «Критон» рассмотрен в диссертации и статьях Анастасии Золотухиной. В качестве примера применения институционального подхода к интерпретации текстов Платоновского корпуса на сей раз я предлагаю рассмотреть «Ион», который обычно считают одним из самых ранних диалогов Платона⁸.

«Ион» относится к *диалогам*, написанным в *прямой драматической форме*, в отличие от: а) *речей* — «Апологии Сократа», «Менексена» или речей из «Федра» и «Пира» и б) *диалогов, пересказанных самим Сократом* (таковы, например, «Протагор», «Хармид» и др.) или кем-то из его круга (например, «Федон» — Федон пересказывает Эхекрату последнюю беседу Сократа; или «Пир» — Аполлодор пересказывает Главкону речи и беседы на пиру Агафона, известные ему со слов Аристодема).

Речи — самый распространенный жанр в 390-е годы до н.э. Три их разновидности — судебные (обвинения или апологии), политические (перед гражданами) и эпидиктические (или показательные) речи — в это время уже не требуют объяснения и обоснования: все знают, что речи произносятся либо в суде обвинителем или обвиняемым (у Платона ср. «Апологию»), либо в присутствии граждан полиса — в народном собрании его членами или на некоем общественном действе специально назначаемым оратором (у Платона ср. речь из «Менексена»), либо софистом — перед кружком интеллектуалов или потенциальных учеников (у Платона ср. речь Лисия в «Федре»). Таким образом, написать и «опубликовать» речь можно без специальных оговорок: институты, в рамках которых продуцируются речи, известны и понятны так же, как известны и понятны поводы для произнесения речей.

Но до сих пор в прозаических письменных текстах не изображались приватные беседы и обсуждения, вследствие это-

7. Свой взгляд на Платоновский корпус я изложил в статье: Шичалин Ю. А. Платон и Corpus Platonicum: константы новой парадигмы // Вопросы философии. 2015. № 8. С. 112–123.

8. *Leisegang H.* Platon // Pauly-Wissowa: Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, XX. Stuttgart: Druckenmüller, 1950. Sp. 2376: "...Übereinstimmung, daß dieser Dialog zu den ersten Arbeiten P[laton]s gehört, die er noch zu Lebzeiten des Sokrates geschrieben hat"; ср.: *Platon. Ion / M. Canto* (trad., introd., notes). P.: Flammarion, 1989. P. 54–55; *Brisson L.* Platon // Dictionnaire des philosophes antiques, Va. P.: CRNS, 2012. P. 643 ("Période de jeunesse (399–390)... *Ion*..."); ср. p. 783–784.

го характер и правила их создания в этот период еще не регламентированы. Поэтому для описания такой беседы нужно было указать, где, как и по каким поводам она может проходить. В связи с этим при письменном воспроизведении такого рода бесед именно в силу их непривычности некая литературная рамка была, можно сказать, необходима, поскольку фигура рассказчика позволяет автору описать ту институцию, которая сделала возможной беседу.

В «Протагоре» Сократ рассказывает, как они с Гиппократом пришли в дом богатого Каллия, где расположились многие софисты: Платон описывает и самих софистов, и их почитателей, а затем рисует некую беседу Сократа с Протагором в их присутствии. Сходные встречи в частном приличном доме описаны рассказчиками в «Пире» и «Федре». Совершенно исключительна сцена в «Федоне»: Сократ и его окружение беседуют в тюрьме; но в данном случае перед нами первое у Платона описание своего рода школьного класса, причем главные действующие лица — приехавшие из Фив пифагорейцы Симмий и Кебет, с которыми как раз Сократ и беседует (отметим, что близкие Сократу софисты Эсхин и Антисфен в изображенной Платоном беседе не участвуют). Поэтому именно после «Федона» с его школьным упражнением в доказательстве бессмертия души сцена решительно меняется: в «Хармиде», «Лисиде» и «Евтидеме» перед нами (в отличие от «Протагора» и «Пира») — палестра или гимнасий; при этом (в отличие от «Федона») Сократ не предлагает неких решений поставленного вопроса, а искусно опровергает предлагаемые определения здравомыслия и дружбы и изобличает методы софистов Евтидема и Дионисодора.

Не Платон был создателем такого рода рамочных (пересказанных) диалогов с участием Сократа: Платон и здесь откликнулся на образцы уже возникшего жанра, в частности на диалоги Эсхина и Антисфена. Что же касается диалогов в прямой драматической форме, то — безотносительно того, писали их или нет в прочих школах, — в кружке Платона они могли возникнуть только тогда, когда обсуждения, дискуссии, диспутации стали в самой Академии рутинной практикой, не требующей предварительного объяснения. Но мы можем вполне уверенно предполагать, что Платон после речей начинает писать рамочные диалоги, которые могут включать и речи, и лишь потом — диалоги в прямой драматической форме, — и не только на основании здравого смысла: Платон сам счел нужным обратить внимание на этот переход к прямой драматической форме диалога. А именно: в «Теэтете»

есть знаменитый пассаж, где Евклид Мегарский, сделавший запись давней беседы, специально оговаривает, что он не стал изображать, как Сократ излагал ему эту беседу, а изобразил самое беседу с геометром Феодором и Теэтетом, убрав все эти «я сказал», «а он согласился»⁹. Это важное указание подкрепляется замечанием, что молодые люди хорошо знакомы с ведением бесед по определенным правилам, а пожилой Феодор к ним непривычен (*ἀήθης τῆς τοιαύτης διαλέκτου*)¹⁰.

Поэтому даже на основании только этих самых общих наблюдений над формой диалогов Платоновского корпуса мы никак не можем предположить, что «Ион» — ранний текст: рассматривая диалог с точки зрения институционального подхода, мы должны отнести его к группе диалогов Платоновского корпуса, написанных в тот период, когда в Академии были развиты дискуссии, построенные по определенным правилам и определенным образом подготовленные. Но это значит, что и в тексте самого «Иона» должны быть приметы этого периода технически оснащенных дискуссий. На мой взгляд, они не только есть, но и вполне очевидны.

Прежде всего нужно обратить внимание на то, что этот короткий диалог — один из самых коротких в Платоновском корпусе — невероятно насыщен подборками имен разного рода персон, прославившихся в том или ином виде деятельности, а также подборкой эпизодов или прямых цитат из Гомера. В небольшом тексте¹¹ названы:

- девять искусных исполнителей и сочинителей поэтических произведений (Гомер *passim*; 531a2: Гесиод и Архилох; 533c: Олимп, Фамирид, Орфей, итакийский рапсод Фемий; 534d: Тинних Халкидец, Еврипид);
- три толкователя Гомера (530d: Метродор Лампсакский, Стефимброт Фасосский, Главкон), а также гомериды (530d7)¹²;

9. Платон. Теэтет (143b5–c5) // Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 193.

10. Там же (146a1–b4). С. 196–197.

11. *Он же*. Ион // Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 372–385. Далее ссылки на текст диалога даются в виде указания фрагментов.

12. Отметим, что упоминания о гомеридах находим у Исократа (*Isocrates. Heleneae encomium (oratio X) (65.1) // Idem. Discours / G. Mathieu, É. Brémond (établi, trad.). P.: Les Belles Lettres, 1963 [1929]. Vol. 1) и у Платона, причем (помимо «Иона») только в «Государстве» (Платон. Государство (599e6) // Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 395) и «Федре» (*Он же*. Федр (252b4) // Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. С. 161), в котором есть параллели с Исократом; насколько позволяет судить поиск *Thesaurus Linguae Graecae*, в IV веке до н. э. больше никто о гомеридах не упоминает.*

- три скульптора (533b: Дедал, сын Метиона; Эпей, сын Панопея; Феодор Самосец) и живописец (533a: Полигнот, сын Аглаофонта);
- шесть видов поэтических произведений (534c: дифирамбы, энкомии, ипорхемы, эпические поэмы, ямбы; 534d: пеан);
- пять волнующих эпизодов из Гомера (535b: Одиссей вскакивает на порог, открываясь женихам; Ахилл ринулся на Гектора; нечто жалостное об Андромахе, о Гекабе или Приаме);
- три пространные цитаты из «Илиады» (537a–b: XXIII 335–340; 538c: XXIV 80–82; 538c–d: XI 630–640) и две из «Одиссеи» (539a: XX 351–353, 355–357; 539b–c: XII 200–207);
- три иностранца, которых афиняне избрали полководцами (541c–d: Аполлодор из Кизика, Фаносфен с Андроса, Гераклид из Клазомен)...

Все эти детали с очевидностью показывают, что перед нами текст, весьма оснащенный с технической точки зрения: в распоряжении его автора — разнообразный и хорошо классифицированный материал, который легко использовать как при ведении беседы, так и при составлении текста, подобного «Иону». Нельзя не отметить, что этот материал иной раз весьма редок: он предназначен не для широкой публики, а для знатоков, привыкших к такого рода упражнениям. Ни с чем подобным мы не сталкиваемся ни у одного автора начала 390-х годов до н.э. и едва ли можем предположить в это время некую институцию, которая могла бы собрать аудиторию для «Иона».

Но зато мы тут же находим место и для автора «Иона», и для его слушателей в Академии второй половины 360-х годов до н.э. Сведения об этом дает Аристотель, в списке сочинений которого, помимо «Риторики» и «Поэтики», обнаруживается ряд трактатов, посвященных толкованию Гомера, Гесиода, Архилоха, Еврипида¹³.

Тот же Аристотель в 14-й главе I книги «Топики» объясняет, как создавались такого рода подборки материала и ставились соответствующие проблемы. В частности, мы понимаем, что, например, ход мысли во фрагменте 532a «Иона» («всегда один и тот же человек отличит, кто говорит хорошо, а кто плохо; а тот, кто не отли-

13. См. списки сочинений Аристотеля, например, в статье: Aristote de Stagire // Dictionnaire des philosophes antiques, I. P.: CNRS, 1989. P. 424–434: в списке Гезихия № 143–145 («Гесиодовы затруднения»; «Затруднения Архилоховы, Еврипидовы, Хериловы», «Поэтические затруднения»), 147 («Гомеровы вопросы»); ср. в списке Диогена Лаэртия № 2 («О поэтах»), 77 и 80 (две «Сводки искусств»), 118–119 («Гомеровы затруднения», «Поэтические затруднения»).

чит говорящего плохо, не отличит, ясное дело, и говорящего хорошо, раз они говорят об одном и том же») соответствует логической постановке вопроса: Аристотель говорит о том, что одна и та же наука рассматривает противоположные качества¹⁴.

Но при институциональном подходе мы должны еще по крайней мере убедиться в том, что понимаем, в каком контексте и каким образом была поставлена основная проблема диалога. Если мы принимаем, что Платон начал свое литературное творчество с «Иона», этот вопрос вообще не подлежит обсуждению, потому что контекст для «Иона» в 390-е годы до н.э. отсутствует. В самом деле, невозможно объяснить, почему Платон вскоре после того, как демократы казнили Сократа за его связь с олигархами, во главе которых стояли родственники Платона Критий и Хармид, решил написать милую безделку, упражнение в рассуждении о компетенции рапсодического искусства. Диалог «Ион» никак нельзя соотносить с «Апологией», где Платон защищает Сократа от подозрений в его связи с олигархами; и едва ли написанию «Иона» могла способствовать Коринфская война, в конце концов завершившаяся позорным для Афин Царским миром, на который Платон откликнулся речью, вошедшей в диалог «Менексен».

С точки зрения содержательной также едва ли удастся убедительно поместить «Ион» в число ранних диалогов. Так, в «Апологии» Платон вполне положительно изображает некий божественный голос, который с детства дает советы Сократу, потому что

14. Аристотель. Топика (105b19–25): *Ἔστι δ' ὡς τύπῳ περιλαβεῖν τῶν προτάσεων καὶ τῶν προβλημάτων μέρη τρία· αἱ μὲν γὰρ ἠθικαὶ προτάσεις εἰ-ἴν, αἱ δὲ φυσικαὶ, αἱ δὲ λογικαὶ. ἠθικαὶ μὲν οὖν αἱ τοιαῦται, οἷον πότερον δεῖ τοῖς γονεῦσι μάλλον ἢ τοῖς νόμοις πειθαρχεῖν, ἐὰν διαφωνῶσιν. λογικαὶ δὲ οἷον πότερον τῶν ἐναντιῶν ἢ αὐτῇ ἐπιστήμῃ ἢ οὐ· φυσικαὶ δὲ οἷον πότερον ὁ κόσμος αἰδῖος ἢ οὐ, κτλ.* («Чтобы изложить в общих чертах, [укажем, что] имеется три вида положений и проблем, а именно: одни положения, касающиеся нравственности, другие — природы, третьи — построенные на рассуждении. Касающиеся нравственности — такие, как, например, следует ли повиноваться больше родителям или законам, если они не согласуются друг с другом. Построенные на рассуждении — такие, как, например, изучает ли одна и та же наука противоположности или нет, а касающиеся природы — такие, как, например, вечен ли мир или нет и пр.» (Он же. Собр. соч.: В 4 т. / Пер. М. И. Иткина. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 363–364)). Отметим по ходу дела, что намеченная Аристотелем нравственная проблема решается в ученическом «Евтифроне», а физическая — в платоновском «Тимее». И разумеется, речь не о том, чтобы рассмотреть тексты Платоновского корпуса в терминах Аристотеля, а о том, что приведенный текст Аристотеля анализирует определенную манеру составления текстов в Академии, а названные диалоги иллюстрируют именно эту манеру.

Сократ здесь — слуга Аполлона, назвавшего его самым мудрым (21а6–7: ἀνεῖλεν οὖν ἡ Πυθία μηδένα σοφώτερον εἶναι). При этом Сократ в «Апологии» подчеркнута несведущ в искусствах или ремеслах, так что не может идти и речи о том, чтобы он проявлял в этих вопросах какую-то эрудицию. Помимо этого, в «Федоне» и «Пире» Сократ явно не чужд божественного вдохновения, над чем трунит Сократ «Иона». Ниже я вернусь к этому замечанию.

Но зато «Ион» с легкостью вписывается в период, следующий за «Государством». В частности, в последней книге «Государства» Платон специально рассматривает, в каком искусстве был сведущ Гомер. При этом оказывается, что Гомера нельзя считать сведущим ни во врачебном искусстве, ни в военном, ни в государственном, он не сделал никаких изобретений ни в одном искусстве или ремесле и не был сведущ в вопросах воспитания (599b9–600e2). Точно так же в «Ионе» рапсод, толкующий Гомера, оказывается несведущим в искусстве возничего, кормчего, врача, рыбака, прорицателя, волопаса, пряжи (538b1–540d1); затем Сократ подбивает Иона признать рапсода сведущим в искусстве военачальника, но только для того, чтобы тут же усомниться и в этом (541b–c). Как бы мы ни толковали эту связь между «Ионом» и «Государством», она во всяком случае есть и при этом очевидна: как Гомер несведущ ни в одном искусстве или ремесле, так и рапсод, исполняющий и толкующий Гомера, несведущ ни в одном искусстве, представители которого изображены у Гомера. И если в «Государстве» Гомер — вместе с прочими представителями подражательных искусств (595b4–5: τοὺς ἄλλους ἄπαντας τοὺς μιμητικούς) — создает видности того, что создают ремесленники, то в «Ионе» Ион и подобные ему оказываются толкователями толкователей¹⁵, то есть еще более далеки от истины.

Теперь рассмотрим подробнее еще одну важнейшую тему «Иона»: речь идет об уже упоминавшемся божественном вдохновении. Исполнитель и толкователь Гомера, Ион не умеет объяснить, в чем состоит его искусство, но по подсказке Сократа признает, что он, исполняя и толкая Гомера, пребывает в состоянии некоей божественной одержимости (542a4: θεῖα μοῖρα κατεχόμενος). Ясно, что тема божественного толкователя откликается на тему божественного поэта, которую Платон специально и подробно

15. Платон. Государство (597e2): μιμητής οὐ ἐκεῖνοι δημιουργοί [sc. ὁ ποιητής]; Там же (599d3-4): ...εἰδῶλον δημιουργός, ὃν δὴ μιμητὴν ὠρισάμεθα; Он же. Ион (535a6-10): ΣΩ. Οὐκοῦν ὑμεῖς αὖ οἱ ῥαψωδοὶ τὰ τῶν ποιητῶν ἐρμηνεύετε; ΙΩΝ. Καὶ τοῦτο ἀληθὲς λέγετε. ΣΩ. Οὐκοῦν ἐρμηνέων ἐρμηνῆς γίνεσθε.

развивает в «Федре». А именно: в этом диалоге музы овладевают Сократом при произнесении первой речи, а во второй речи Сократ рассуждает о том, сколько благ приносит божественное безумие, когда оно дается как божий дар¹⁶. На нем построено искусство прорицания, посвящение в мистерии, одержимость, идущая от муз, в частности поэзия, так что идущее от бога безумие лучше (*κάλλιον*) человеческого здравомыслия¹⁷. Этот фрагмент из «Федра» позволяет правильно понять заключительную формулу «Иона»: рапсод Ион из диалога «Ион», в точности как и Сократ из «Федра», охотно соглашается, что быть божественным лучше (*κάλλιον*), чем признать, что у него нет права (*ἄδικος*) заниматься своим искусством; и Сократ тут же заключает, что Ион — «божественный, но никак не искусный почитатель Гомера»¹⁸.

Гомер в «Ионе» притягивает своих адептов так же, как в «Федре» каждый из богов притягивает представителей опекаемых им профессий: одни следуют за Зевсом, другие — за кем-нибудь другим из богов¹⁹, которые и определяют характер тех, кто принадлежит к их цепи. Таким же образом тот или иной поэт определяет характер своих исполнителей и толкователей, будучи посредником между ними и богом...²⁰

Отметим, что сопоставление «Иона» с «Федром» важно не только в силу общности их тем, но и потому, что это сопоставление позволяет нам правильно понять подлинный характер звучания «Иона»: не только Сократ в диалоге «Ион» иронизирует над недалеким рапсодом Ионом, но автор «Иона» иронизирует над «Федром» Платона и тем самым — над самим Платоном. Но это, в свою очередь, также отсылает нас к определенному периоду развития

16. Платон. Федр (244a7-8): *μέγιστα τῶν ἀγαθῶν ἡμῖν γίγνεται διὰ μανίας, θεῖα μέντοι δόσει διδομένης.*

17. Там же (244a8-245a8), (244d3-5): *...κάλλιον μαρτυροῦσιν οἱ παλαιοὶ μανίαν σωφροσύνης τὴν ἐκ θεοῦ τῆς παρ' ἀνθρώπων γιγνομένης.*

18. Приведем это знаменитое завершение по-гречески: *ἐλοῦ οὖν πότερα βούλει νομίζεσθαι ὑπὸ ἡμῶν ἄδικος ἀνὴρ εἶναι ἢ θεῖος. — Πολὺ διαφέρει, ὦ Σώκρατες· πολὺ γὰρ κάλλιον τὸ θεῖον νομίζεσθαι. — Τοῦτο τοίνυν τὸ κάλλιον ὑπάρχει σοι παρ' ἡμῖν, ὦ Ἴων, θεῖον εἶναι καὶ μὴ τεχνικὸν περὶ Ὀμήρου ἐπαινέτην (Он же. Ион (542a6-4)).*

19. Он же. Федр (250b7-8): *...ἐπόμενοι μετὰ μὲν Διὸς ἡμεῖς, ἄλλοι δὲ μετ' ἄλλου θεῶν;* Там же (252d1-2): *...καθ' ἕκαστον θεόν, οὗ ἕκαστος ἦν χορευτής, ἐκεῖνον τιμῶν τε καὶ μιμούμενος εἰς τὸ δυνατὸν ζῆ, κτλ., ср. 253a6-b4, и пр.*

20. Он же. Ион (536a1-8): *ὁ... μέσος σὺ ὁ ραψωδὸς καὶ ὑποκριτής, ὁ δὲ πρῶτος αὐτὸς ὁ ποιητής· ὁ δὲ θεὸς διὰ πάντων τούτων ἔλκει τὴν ψυχὴν ὅποι ἂν βούληται τῶν ἀνθρώπων... καὶ ὁ μὲν τῶν ποιητῶν ἐξ ἄλλης Μούσης, ὁ δὲ ἐξ ἄλλης ἐξήρτηται, κтл.*

Академии, когда ее участники начинают критиковать Платона. Свидетельством этого служат и пассажи из «Теэтета», и первая часть «Парменида», и школьный «Клитофонт»²¹: как и в «Ионе», критике здесь подлежат те или иные положения самого Платона, высказанные в его уже опубликованных и обсуждавшихся диалогах. «Ион», явным образом опираясь на «Государство» и «Федра», сталкивает эти диалоги, иронизируя над тем и другим: если мы принимаем «Государство» с его критикой Гомера и снисходительностью по отношению к его почитателям²², то что делать с божественным вдохновением, которое в некоей единой цепи²³ соединяет с богом Гомера и его последователей?

Все эти соображения, связанные с институциональным подходом к рассмотрению «Иона», позволяют корректно подступить к этому диалогу и показывают решительную невозможность не только считать его первым или одним из первых сочинений Платона, но и вообще относить его к подлинным платоновским диалогам (как и «Клитофонт»). Вероятное время создания «Иона» — после завершения «Государства» и публикации второй речи Сократа и рассуждения о риторике из «Федра», то есть предположительно середина или вторая половина 360-х годов до н.э.

21. Когда Сократ в «Теэтете» говорит: «...сам я в мудрости уже неплоден, и за что меня многие порицали, — что-де я все выспрашиваю у других, а сам никаких ответов никогда не даю, потому что сам никакой мудрости не ведаю, — это правда» (Платон. Теэтет (150с4–7). С. 202), то резонно предположить, что этот упрек следует относить и к самому Платону. Хорошим фоном для этих lamentаций платоновского Сократа в «Теэтете» может служить замечательный текст «Клитофонты», автор которого обращает Сократу следующий упрек: хотя Сократ призывает заботиться о добродетели, он ничего не может предложить тому, кто уже откликнулся на его призыв и теперь хотел бы знать, в чем именно состоит эта забота и что он должен делать. Точно так же в первой части «Парменида» речь очевидным образом идет о критике положений самого Платона, изложенных прежде всего в «Федоне» и «Государстве».
22. Ср.: Он же. Ион (530b5–10): *...ὅμᾱς τοὺς ῥαψωδοῦς... ἀναγκαῖον εἶναι ἔν τε ἄλλοις ποιηταῖς διατρίβειν πολλοῖς... καὶ μάλιστα ἐν Ὀμήρῳ, τῷ ἀρίστῳ καὶ θειοτάτῳ τῶν ποιητῶν, κτλ.*; Он же. Государство (606e1–607a3): *...ὅταν Ὀμήρου ἐπαινέταις ἐντύχης... φιλεῖν μὲν χρῆ καὶ ἀπαύξασθαι ὡς ὄντας βελτίστους εἰς ὅσον δύνανται, καὶ συγχαρεῖν Ὀμηρον ποιητικώτατον εἶναι καὶ πρῶτον τῶν τραγωδοποιῶν, κτλ.*
23. Образ этой цепи в «Ионе» 536a1–5 (*ὁ... θεὸς... ἔλκει τὴν ψυχὴν... ὄρμαθὸς πάνπολυς ἐξήρτηται χορευτῶν*) сопоставим с «Федром» (Он же. Федр (252d1): *καθ' ἕκαστον θεόν, οὗ ἕκαστος ἦν χορευτής*); использованное в «Ионе» слово *ὄρμαθὸς* — гомеровское (ср. стих «Одиссеи» XXIV 8, Платон цитирует его в «Государстве» 387a7 (с. 150)).

При специальном и подробном анализе «Иона» обнаружится его связь с другими диалогами этого периода, но для целей данного рассуждения достаточно и сказанного.

* * *

В XIX веке — в основном немцами — был создан богатый инструментарий классической филологии, осознававшей себя как вполне самостоятельную науку о классической древности, *Altertumswissenschaft*. Это и была вполне самостоятельная наука, одно время противопоставлявшая себя новооткрытой науке лингвистике, но затем вместившая и ее в составе некоей энциклопедии наук о классической древности. Расцвет классической филологии пришелся на эпоху осознавшего свою силу историзма. Основная иллюзия и тем самым коренная слабость историзма состояла в том, что историческая реальность мыслилась неким самостоятельным бытием, существующим наряду с бытием природы. Для этой реальности и хотелось построить систему исторических наук параллельно с науками точными и естественными, нашедшими осмысление у Канта. Еще Эрнсту Трельчу и Мартину Хайдеггеру грезилась эта особенная историческая реальность²⁴, но затем — в качестве фикции — она вполне закономерно растворилась в бесконечных релятивистских и субъективистских построениях модернизма и постмодернизма, в связи с чем из сознания исследователей практически полностью выветрились и все реальные достижения историко-филологической и историко-философской наук именно как наук.

Институциональный подход, как представляется, позволяет вновь вернуться к тем действительным достижениям историко-философской и историко-филологической науки, которые связаны с корректной работой над источниками: без развитого исторического чутья и соответствующих исследовательских навыков эта работа практически полностью теряет свой смысл. Поэтому именно здесь я вижу подлинный прок институционального подхода применительно к истории философии: он позволит дать более корректную картину бытования европейской философии и при этом — ввести в единое с ней понятийное и методологическое русло разработку проблем истории мысли других цивилизаций.

24. См. очерк: Шичалин Ю. А. Европейский историзм (некоторые аспекты проблемы) // Он же. Античность — Европа — История. М.: Греко-латинский кабинет, 1999. С. 153 слл.

Библиография

- Аристотель. Топика // Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2.
История философии: Запад — Россия — Восток / Под ред. Н. В. Мотрошиловой. М.: Греко-латинский кабинет, 2000.
- Коллинз Р. Анализ интеллектуальных сетей и русская мысль в европейском контексте // Отечественные записки. 2002. № 3 (4). URL: <http://www.strana-oz.ru/2002/3/analiz-intellektualnyh-setey-i-russkaya-mysl-v-evropeyskom-kontekste>.
- Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
- Платон. Государство // Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3.
Платон. Ион // Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1.
Платон. Теэтет // Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2.
Платон. Федр // Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 2.
- Шичалин Ю. А. Европейский историзм (некоторые аспекты проблемы) // Шичалин Ю. А. Античность — Европа — История. М.: Греко-латинский кабинет, 1999.
- Шичалин Ю. А. История античного платонизма в институциональном аспекте. М.: Греко-латинский кабинет, 2000.
- Шичалин Ю. А. Платон и Corpus Platonicum: константы новой парадигмы // Вопросы философии. 2015. № 8. С. 112–123.
- Шичалин Ю. А. Сократ-пифагореец — изобретение Платона? // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие. Философия. 2012. Вып. 3 (41).
- Aristote de Stagire // Dictionnaire des philosophes antiques, I. P.: CNRS, 1989.
Brisson L. Platon // Dictionnaire des philosophes antiques, Va. P.: CRNS, 2012.
Isocrates. Helenaе encomium // Idem. Discours / G. Mathieu, É. Brémond (établi, trad.). P.: Les Belles Lettres, 1963 [1929]. Vol. 1.
Leisegang H. Platon // Pauly-Wissowa: Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, XX. Stuttgart: Druckenmüller, 1950.
Platon. Ion / M. Canto (trad., introd., notes). P.: Flammarion, 1989.

AN INSTITUTIONAL APPROACH TO ANCIENT
PHILOSOPHICAL TEXTS: PLATO'S *ION*

YURY SHICHALIN. Director, Museum Graeco-Latinum; Professor,
graecolatinum@gmail.com.
Saint Tikhon Orthodox University, 6 Likhov Lane, 127051 Moscow, Russia.

Keywords: philosophical text; institutional approach; Plato; Corpus Platonicum;
Ion dialogue.

The institutional approach to interpreting philosophical texts, which is a valuable supplement to the traditional historical, philological, and philosophical methods of analysis, requires from the reader a reflective technique and an understanding of the kind of statements it can validate. Factors such as the author's self-esteem and its effect on the process of creating the text, as well as the intended genre and audience are all brought into the material studied (a philosophical text) through the institutional approach. Meeting all these requirements results in a delineation of an institution that permits objectification of the author's stance and manner of inquiry.

An analysis of the Plato's *Ion*, which is usually considered one of the earliest of his dialogues, offers an example the institutional approach to philosophical texts. The article calls into question an early date for *Ion* because Plato's earlier dialogues are typically retellings of previous conversations. The *Ion*, however, consists of direct dialogue in a dramatic format — a style proper to the late dialogues, which reflect the technique developed for the arguments and disputations between schools; these debates were conducted according to certain rules and referred to summaries of material previously selected (as Aristotle's *Topics* and *Sophistical Refutations* demonstrate). Furthermore, the *Ion* echoes Plato's *Republic* (just as Homer in the *Republic* is not versed in the arts and crafts, the rhapsodist in the *Ion* who recites Homer's depictions of those skills likewise has not mastered any of them) and with the *Phaedrus* (which like the *Ion* explores the concept of divine madness). These parallels strongly suggest that the *Ion* is among the later dialogues and consequently call its attribution to Plato into question.

DOI: 10.22394/0869-5377-2020-6-23-38

References

- Aristote de Stagire, *Dictionnaire des philosophes antiques, I*, Paris, CNRS, 1989.
Aristotle. *Topika* [Topics]. *Sobr. soch. v. 4 t.* [Selected Works in 4 vols], Moscow, Mysl', 1978, vol. 2.
Brisson L. Platon, *Dictionnaire des philosophes antiques, Va*, Paris, CRNS, 2012.
Collins R. Analiz intellektual'nykh setei i russkaia mysl' v evropeiskom kontekste [Analysis of the Intellectual Networks and the Russian Thought in the European Context]. *Otechestvennye zapiski* [Domestic Report], 2002, no. 3 (4). Available at: <http://strana-oz.ru/2002/3/analiz-intellektualnyh-setey-i-russkaya-mysl-v-evropeyskom-kontekste>.
Collins R. *Sotsiologiya filosofii. Global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya* [The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change], Novosibirsk, Sibirskii khronograf, 2002.
Isocrates. *Helenaen encomium. Discours* (établi, trad. G. Mathieu, É. Brémond), Paris, Les Belles Lettres, 1963 [1929]. Vol. 1.

- Istoriia filosofii: Zapad — Rossiia — Vostok* (ed. N. V. Motroshilova), Moscow, Greko-latinskii kabinet, 2000.
- Leisegang H. Platon, *Pauly-Wissowa: Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*, XX, Stuttgart, Druckemüller, 1950.
- Plato. Fedr [Phaedrus]. *Sobr. soch. v. 4 t.* [Selected Works in 4 vols], Moscow, Mysl', 1994, vol. 2.
- Plato. Gosudarstvo [Republic]. *Sobr. soch. v. 4 t.* [Selected Works in 4 vols], Moscow, Mysl', 1994, vol. 3.
- Plato. Ion. *Sobr. soch. v. 4 t.* [Selected Works in 4 vols], Moscow, Mysl', 1990, vol. 1.
- Plato. Teetet [Theaetetus]. *Sobr. soch. v. 4 t.* [Selected Works in 4 vols], Moscow, Mysl', 1993, vol. 2.
- Platon. *Ion* (trad., introd, notes M. Canto), Paris, Flammarion, 1989.
- Shichalin Iu. A. Evropeiskii istorizm (nekotorye aspekty problemy) [European Historicism (Several Aspects of the Problem)]. *Antichnost' — Evropa — Istoriia* [Antiquity — Europe — History], Moscow, Greko-latinskii kabinet, 1999.
- Shichalin Iu. A. *Istoriia antichnogo platonizma v institutsional'nom aspekte* [History of Ancient Platonism in the Institutional Aspect], Moscow, Greko-latinskii kabinet, 2000.
- Shichalin Iu. A. Platon i Corpus Platonicum: konstanty novoi paradigmy [Plato and Corpus Platonicum: Constants of the New Paradigm]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2015, no. 8, c. 112–123.